

ИСТОРИЯ ЕСТЬ, ТОЛЬКО ЕСЛИ ОНА НАПИСАНА

К открытию рубрики «Современная история российской социологии»

Борис Докторов

профессор, доктор философских наук,
ассоциированный сотрудник
Социологического Института РАН
bdoktorov@worldnet.att.net

Автор благодарит своих давних коллег Валерия Голофаста, Леонида Кесельмана и Бориса Фирсова за внимательное ознакомление с текстом и ряд ценных поправок и предложений.

В предыдущем выпуске журнала «Телескоп» были опубликованы материалы о творчестве Б.А. Грушина, основателя изучения общественного мнения в Советском Союзе. Они были собраны в рубрике, названной «Современная история российской социологии», таким образом, формально этот тематический раздел уже прописан в журнале.

Настоящие краткие заметки – это попытка обозначить цели введения новой рубрики и очертить самые общие контуры ее содержания. Одновременно, это приглашение всех к обсуждению прошлого и настоящего российской социологии. Автор признает спорность, полемичность ряда утверждений, но в одних случаях ее действительно сложно приглушить, в других – она присутствует намеренно.

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока история существует сама по себе, пока она не изучена и не описана, она пассивна и ничему нас не учит. Марк Твен говорил, что не читающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, не знание социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

Скажем себе честно, даже двух-трех десятилетнее прошлое покрыто таким толстым слоем пыли и различных нагромождений, что оно уже плохо видно. На наших глазах настоящее стремительно превращается в прошлое. Очень скоро наблюдаемое нами сегодня станет объектом научно-исторических исследований, и следующие поколения будут ломать голову над тем, что нам сегодня кажется естественным. Нормально ли это?

1.

С одной стороны, все почти тривиально: цель новой рубрики – изучение, рассмотрение, обсуждение современной истории российской социологии. Однако эта простота – обманчива, в действительности каждое слово в названии рубрики требует уточнения и предполагает проведение непростого анализа.

Пожалуй, легче всего определить первое слово названия рубрики. В нашем исходном понимании «современная история» – означает постреволюционная, но более точно, «современность», это интервал времени, начинающийся примерно полстолетия назад и, естественно, охватывающий наши дни.

Наиболее трудным является последнее слово в имени рубрики – «социология». Во-первых, эта трудность проистекает из множественности существующих определений нашей науки, и выбор только одного из них может оказаться настолько неудачным, что сделает невозможным реализацию замысла, связанного с введением рубрики. Во-вторых, в течение указанного полувека не очень быстро, но в целом заметно изменялась социология, и несколько раз менялись представления российских ученых советского и постсоветского периодов относительно философии социологии, ее предметно-объектных свойств и методов. В-третьих, социология – развивалась на стыке многих наук, и в рамках исторического анализа было бы неверно опираться на определение, в какой-либо мере ограничивающее ее предметно-объектные особенности и лимитирующее ее методолого-методический арсенал. Думается, однако, что реальная практика историко-методологического анализа прошлого-настоящего современной российской социологии позволит снять, или, по крайней мере, четче определить границы обозначенной семантической неопределенности.

2.

Термин «российская социология» имеет, по крайней мере, три ипостаси.

Во-первых, если говорить о периоде до 1991 года, то российская – тождественна советской. Вместе с тем, вполне возможно, что внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология доперестроечного времени. Далее, российская – это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Наконец, российская социология охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Что касается предметно-объектных аспектов исследований этих социологов, то они не обязательно соотносятся с российской реальностью.

Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границами СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам тех зарубежных русских социологов.

История 20 века знает две Германии, два Китая, две Кореи, и это обстоятельство дает ценный материал для проведения сравнительных политологических и культурологических исследований и для осмысления механизмов общественного развития. Можно предположить, что сопоставительный анализ того, что делалось, и что было сделано в 20 веке советскими социальными учеными и русскими социологами, жившими в Европе и Америке, способен принципиально углубить наше понимание многочисленных и разноприродных связей между типом общества и характером науки об обществе.

3.

Пожалуй, именно обращение действующих российских социологов к работам дореволюционных обществоведов и философов более других обстоятельств актуализирует задачу изучения творчества русских социальных мыслителей начала 20 века.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т.е. в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20-30 лет? Это будет вестернизированная советская социология? Это будет русскоязычная версия европейской и американской социологии? Это будет нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, и в том числе - традиции русской дореволюционной социологии? Представляет также интерес задуматься о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социологии; в какие стороны света они будут смотреть?

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых презумпций социального устройства и развития России, но наука тоже имеет – должна иметь – свои презумпции.

Любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, и о методах, и об этике.

Современная российская социология – в рамках исторических исследований или общеметодологических поисков – также должна задуматься о принципах своего развития, о научных идеалах, о своей роли в политической и культурной жизни России, о своем месте в глобальном научном сообществе. Будущее покажет, в какой мере все это будет реализовано, но вне зависимости от развития макропроцессов в стране и в мире, думается, что указанные «навигационные» принципы необходимы.

4.

В общем случае история это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий. В нашем случае – это последовательность событий, определяющих, задающих, детерминирующих, детализирующих процесс развития российской социологии.

При этом имеет смысл выделить, по крайней мере, два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором существует и развивается социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно, это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в

стране. Во-вторых, события, процессы, протекающие внутри самой социологии и внутри профессионального социологического сообщества.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа, безусловно, следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не манифестировавшихся механизмов - скажем мягко и обтекаемо - управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго класса следует отнести создание и закрытие научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследовательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т.д.

События первого класса, вообще говоря, являются оболочечными по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на то, что находится внутри нее. Вместе с тем думается, что история социологии как раздел истории и социологии должна, прежде всего, фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки, что характеризует собственно характер и результаты деятельности ряда поколений российских социологов. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и так далее содержимого, или наполнения, этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

5.

Написание истории не сводится к созданию летописи событий, она – нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время.

По-сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, причастных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке – советского и постсоветского времени - оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности – биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе

других социологов и социальных мыслителей, на наш взгляд, скорее являются не научными биографиями, а жизнеописаниями и анализом их работ.

В течение истекших полутора десятилетий сложился перечень имен русских социальных мыслителей первой половины 20 столетия, работы которых привлекают внимание и анализируются современными российскими социологами и социальными философами. Само по себе это явление позитивное, однако, оно грозит появлением серьезных негативных последствий: закладываются предпосылки для одномерного, стереотипизированного видения прошлого нашей науки. Чтобы притормозить развитие этой тенденции, необходимо искать новые – «очень» хорошо забытые старые – имена.

Но все же сделанное за истекшие годы не только уже позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала 20 века и наших современников.

6.

Лишь человеку, очень далеко стоящему от исторических поисков может показаться, что история социологии – спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так.

История – это не мемуары. Лет 15 назад профессор Геннадий Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления.

7.

Поскольку содержанием самой истории являются события разной природы, постольку и анализ истории должен быть многоаспектен; обозначим некоторые из них.

Крайне важными видятся сегодня исследования аргументов, с помощью которых, начиная с ранних 60-х и до середины 80-х, доказывалась специфичность, особость (преимущества) теоретической базы российской социологии советского периода. У этой тематики есть и иной, футурологический аспект: анализ будущего марксизма как одной из философских основ современной российской социологии.

Обнаруживается и более широкая постановка обозначенной темы. Марксизм относится к основным направлениям современной мировой философской и социологической мысли, а в СССР – марксизм был единственной разрешенной философией и идеологией. Позволяет ли опыт советских времен стать России мировым центром разработки марксистской социологии?

За постперестроечные годы произошли кардинальные изменения в предметной направленности российских теоретико-эмпирических социологических исследований. Логика этого изменения очевидна: ушли (уходят) в прошлое многие существовавшие социальные институты и доминировавшие формы социальных отношений, они заменились (заменяются) новыми институтами и формами. В этих изменениях предметного спектра социологии отражена некая «правда жизни», но одновременно с переходом к новому не произошло осмысления всего ранее накопленного. Складывается ощущение, что старое не было даже элементарно инвентаризировано, описано и каким-то образом законсервировано. Оно просто брошено, осталось ничьим. Так и хочется спросить: «Вы чье, старичье?».

Одним из направлений истории социологии является изучение становления и функционирования коммуникационных сетей профессионального сообщества. В 60-е – 80-е годы в стране было мало социологов, практически все знали друг друга, особенно внутри одного поколения. Московский Институт социологических исследований АН СССР (в разные годы у него были разные названия) был головным, и там все часто встречались. Была ассоциация, объединявшая людей. Книг издавалось немного, существовал всего один журнал «Социологические исследования». Все читали работы друг друга, и все (желающие того) знали, кто, чем занимается.

Изучение коммуникационных сетей – один из наиболее эффективных приемов исследования становления научных школ в советской социологии и духовной атмосферы профессионального сообщества того времени. Сегодня, когда отцы-основатели советской социологии продолжают активно работать, еще есть возможность с их помощью восстановить и детально описать эти сети.

8.

Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами, во-первых, имеется в виду в целом крайне низкая культура работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Здесь же назовем недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. В силу этой причины многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60-е – 90-е годы прошлого века, до сих недоступны историкам социологии. Третья причина объективного характера – отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирования социологических «команд». Еще одна причина: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не имели своей электронно-вычислительной техники, обрабатывали эмпирическую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания своего современного информационного архива.

Назовем последнюю по порядку, но не по значимости объективную причину слабости информационной базы исследований прошлого отечественной социологии. Историк, как правило, имеет дело с опубликованными текстами, но почти каждая социологическая публикация была итогом длительного процесса редактирования текстов, их рецензирования и цензурирования. Мы можем судить о результатах социологии по тому, что было опубликовано, но сейчас невозможно сказать, какая в процентном отношении часть социологических рукописей была издана.

Приходится учитывать и тот факт, что многие социологические тексты создавались их авторами без малейшей надежды на публикацию или хотя бы на широкое публичное обсуждение. Можно ли отыскать эти работы? Безусловно, что-то могло бы быть опубликовано в нашей рубрике.

Теперь о комплексе субъективных причин. По нашему мнению, многое в бедности информационной базы изучения относительно близкого прошлого и настоящего проистекает из-за того, что российское социологическое сообщество в целом не до конца осознает своего общественного назначения, своего места в культуре общества. Не сложилось убежденности в том, что результаты изучения общества должны становиться известными самому обществу.

9.

Есть полезная американская рекомендация по организации любого бизнеса: «Думай глобально, делай локально». Применительно к нашей рубрике это означает, что, думая об изучении современной истории российской социологии, целесообразно, прежде всего, сконцентрироваться на анализе процессов, происходивших и происходящих в ленинградско-петербургской социологии. Причем эту задачу следует рассматривать не только в качестве промежуточного полигона, с которого удобно атаковать историю российской социологии, но и как важнейшую самостоятельную историко-научную и культурологическую проблему.

Специальные изыскания, доказывают существование таких феноменов, как ленинградская литература, ленинградское искусство, ленинградский театр. Возможно ли по аналогии говорить о ленинградской, в настоящее время – петербургской, социологии? Поиск ответов на этот вопрос – вне зависимости от того, какими они будут - может рассматриваться в качестве одной из сверхзадач изучения истории социологии Петербурга-Ленинграда-Петербурга.

10.

Вряд ли сейчас будет оправданным стремление к определению предмета указанных «локальных» историко-методологических изысканий, но некоторые направления поисковых работ могут быть названы.

Прежде всего, хотелось бы понять специфику истоков рождения социологии в Ленинграде, ведь она возникла иначе, чем, скажем, в Москве, Свердловске и других городах Союза.

Второе, особого анализа требует очерчивание контуров предметных полей, в разработке которых ленинградцы были пионерами, начинателями направлений, позже получивших признание и широкое развитие в СССР.

К примеру, в ноябре 2003 год автор был в Тюмени на защите кандидатской диссертации, в которой анализировались вопросы «управления социальным климатом предприятия в современной российской социально-экономической ситуации»; объектом изучения было ОАО «Сибнефтепровод». Логика работы диссертанта свидетельствовала о жизненности ряда концепций и эффективности методов, созданных ленинградскими психологами и социологами (Е.С.Кузьмин, А.Л. Свенцицкий, А.В. Чугунова, В.А. Ядов) три-четыре десятилетия назад.

Можно утверждать, что исторические поиски обнаружат много нового в предметном спектре ленинградской социологии 60-х - 80-х годов. Скажем, на рубеже 60-х – 70-х годов под руководством Андрея Здравомыслова социологами Высшей партийной школы была проведена серия исследований бюджета рабочего и свободного времени сотрудников райкомов КПСС города. Современное прочтение результатов тех исследований могло бы дать многое для понимания деятельности аппарата КПСС и образа жизни этой элитной группы населения Ленинграда.

11.

Сказанное ни в коей мере не означает, примата «географического» подхода к анализу истории российской социологии. Более того, легко понять, что изучение наиболее трудных, сложных, сущностных проблем развития нашей науки, а также принципиальных особенностей ее нынешнего состояния в принципе над-географично.

Корни советской и современной российской социологии, прежде всего, следует искать в особенностях российской истории 20 века, а также в важнейших чертах политического устройства СССР и нынешней России. Кроме того, надо заново читать и переосмысливать базовые общенаучные и общеполитические положения, которые на протяжении всей советской истории определяли развитие отечественной социологии. Нельзя будет пройти и мимо анализа моральных принципов, которым следовали или которые нарушались участниками процесса выработки социологического знания. На всех этапах не столь уже продолжительного процесса развития советской социологии «человеческий фактор» всегда имел очень большое значение. В частности, в истории ленинградской социологии 70-х - 80-х годов.

12.

Создание истории петербургско-ленинградско-петербургской социологии – долг социологов, живущих в современном Петербурге. При наличии доброй воли многое может быть сделано.